

Масаев М.В.

УДК 930.1

ИСТОРИЯ КАК «ГЕШТАЛЬТ» – ПОДВИЖНЫЙ, СТАНОВЯЩИЙСЯ, ПРЕХОДЯЩИЙ ОБРАЗ МИРА

История – это роман, который был; роман – это История, какой она могла бы быть.

Эдмон и Жюль Гонкуры [17, с. 7]

Сфера виртуальности, как тень, следует за реальной сферой, причём эта иллюзорная зона то расширяется, то сужается в разные эпохи

Е. Б. Черняк [18, с. 5]

Существуют две истории: история официальная, которую преподают в школе, и история секретная, в которой скрыты истинные причины событий

Оноре де Бальзак [17, с. 5]

Народы, язык и эпохи, сражения и идеи, государства и боги, искусства и художественные произведения, науки, право, хозяйственные формы и мировоззрения, великие люди и великие события – являются символами и должны как таковые истолковываться

Освальд Шпенглер [13, с. 6]

На рубеже второго и третьего тысячелетия нашей эры резко возрастает интерес к творчеству немецкого философа Освальда Шпенглера (1880-1936 гг.), которому и принадлежит идея об истории как «гештальте». И это не только и не столько потому, что именно к двухтысячному году О. Шпенглер предсказывал гибель западной цивилизации. Бесперспективность развития западной цивилизации О. Шпенглер доказал в своём капитальном труде «Der Untergang des Abendlandes» («Закат земли Заходящего Солнца», «Закат стран Запада», или, как его перевели в 1923 году в СССР, «Закат Европы» [9, 12]).

Проблема заката Европы и западной цивилизации в целом интересны сами по себе, особенно тогда, когда Европа и Запад процветают, а все, кто может, в том числе и Украина, пытаются присоединиться к этому «просперити». Чего только стоит заявление президента Украины Виктора Януковича от 25 мая 2011 года. Выбор «в пользу перехода к западной культуре», правда, как считает доктор философских наук О. А. Мирошников, «вновь... сделан меньшинством» [16, с. 210]. И это не случайно. Никакая «демократия» на постсоветском пространстве (от Молдовы и Грузии до Киргизии) никогда ещё не делала выбора, опираясь на мнение большинства.

Однако гораздо более интересными представляются для всего человечества, а не только для народов Украины и всего постсоветского пространства проблемы философского осмысления истории, без которого невозможно ориентироваться в сложном и быстро и непредсказуемо меняющемся современном мире.

Постановка проблемы. Вопрос об истории как «гештальте» был поставлен О. Шпенглером, но чёткого ответа на него немецкий философ не дал. Ему удалось назвать прасимволы древнеегипетской культуры [4, с. 378; 12, с. 265, 273, 310], античной культуры [4, с. 378; 12, с. 249, 275], арабской [4, с. 378], западной [4, с. 379; 12, с. 249] и даже прасимвол формирующейся русской культуры [4, с. 379]. Но «гештальта» истории вообще, «гештальта» всемирной истории он не дал даже в самом схематическом наброске, оставив это другим исследователям, из которых к этой проблеме так и не вернулся никто.

Актуальность работы. Увидеть «гештальт» истории – это дать адекватную оценку её развития, помочь ориентироваться в сложном и быстро и плохо предсказуемо меняющемся современном мире.

Актуальность обращения к творчеству О. Шпенглера связано и с тем, что оно даёт универсальный подход к определению таких категорий как этнос и нация через введение им такого понятия как прасимвол культуры вообще [12, с. 249] и прасимволы отдельных культур и цивилизаций [4, с. 378-379; 12, с. 249, 265, 273, 275, 310]. Тем более, что жизнь всё чаще и чаще ставит под сомнение универсальность и исчерпывающий характер определения нации, данного И. В. Сталиным, которое с первой же волной десталинизации стало именоваться «ленинским».

Возьмём самое «беспорное» положение сталинского определения об общности языка. Все граждане Индии принадлежат к индийской нации, но все говорят на разных языках, которые при этом относятся к не имеющим какого-либо родства семьям языков – индоевропейской и дравидской. На языках разных языковых семей: индоевропейской, называя себя «финленнер», и уральской (финно-угорской), называя себя «суоми», разговаривают представители финской нации. Интересно, что национальный герой Финляндии, её самый известный президент Карл Густав Маннергейм прекрасно говорил по-русски (более двадцати лет прослужил в русской армии и дослужился в ней до генерала) и не говорил по-фински. Языка девяноста процентов населения Финляндии, финского, или языка суоми, он практически не знал. Великий финн говорил на другом государственном языке Финляндии, шведском. Как мы уже заметили, он разговаривал также на государственном языке страны, в которую некогда входила его родина, русском. Плохо говорили на французском языке Наполеон и Жанна д'Арк. Родным языком для прославленного французского полководца и императора был итальянский, а для национальной героини французского народа – немецкий. Жанна д'Арк родилась в семье говорившего по-немецки лотарингского рыцаря, вынужденного оставить службу и поселиться в пограничной Лотарингии Шампани и заняться крестьянским трудом. В. Ермолаев в предисловии к «Из истории Евразии» Л. Н. Гумилёва [1] отмечает, что «в истории есть множество примеров, когда этнос, говорящий на разных языках, не утрачивает своего единства. Например, французы в Средние века говорили на трех языках – старофранцузском (около Парижа), бретонском (кельтском диалекте Бретани) и провансальском (на юге, в Провансе и Лангедоке)!» [2, с. 11]. В. Ермолаев забывает о

германоязычной Лотарингии (говорящий до сих пор на немецком языке французский Эльзас в средневековую Францию тех времён ещё не входил). Только в 1999 г. заговорила по-украински, по свидетельству российского историка польского происхождения А. Б. Широкограда, Ю. В. Тимошенко [3, с. 313]. Поздно заговорил по-украински и другой герой украинской истории Юрий Луценко, а звук «р» он так и не осилил. Поздно и с трудом заговорил по-украински Виктор Янукович. А Николай Азаров несмотря на то, что занимается украинским языком «все свободное от работы время» никак не может заговорить на единственном в Украине государственном языке. Но никому не приходит в голову не считать Ю. В. Тимошенко, Ю. Луценко, В. Януковича, Н. Азарова и выучившего украинский язык вместе с Ю. В. Тимошенко [3, с. 313] бывшего премьер-министра Украины, бывшего бурята, родившегося в Якутии Еханурова не украинцами. Вот только с Ю. В. Тимошенко был эпизод, когда представители УНА-УНСО отказались не только от сотрудничества с ней, но даже и от встречи с действующим премьер-министром Украины из-за её «неарийского происхождения». По свидетельству уже цитированного А. Б. Широкограда, родного дедушку Ю. В. Тимошенко звали Абрам Кельманович Капитальман, сын которого, проживая в Латвии, сменил фамилию на «прибалтийскую» Григянс, которая у дочери Юлии стала уже Григян [3, с. 312-313]. К вышеизложенному следует добавить, что говорящие на английском языке шотландцы и ирландцы, как граждане республики Эйре (Ирландии), так и подданные Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии обижаются, когда их называют англичанами, а президент США темнокожий Барак Обама, во время посещения им в мае 2011 года Ирландии говорил об «ирландских корнях» его африканских предков, хотя ни английские, ни американские, ни даже самые ирландские ирландцы на гаэльском языке не разговаривают, а к возрождению «подлинно» ирландского языка относятся весьма скептически, предпочитая разговаривать по-английски. Говорят по-русски, не превращаясь в русских, а оставаясь белорусами со всем их партизанским упрямством и приверженностью, в отличие от любителей демократии русских, к тоталитаризму. И, пожалуй, прав Л. Н. Гумилёв, полагая, что только «развитие культурных форм» служит «внешним индикатором, отделяющим один суперэтнос от другого» [2, с. 13-14].

Но в основе культуры, по О. Шпенглеру, лежит прасимвол, который определяет путь развития этноса [12, с. 249]. Прасимволы отдельных цивилизаций О. Шпенглер называл, а «гештальта» всемирной истории даже не называл. А попытаться сделать это надо.

Новизна изложенного в работе материала состоит не только в попытке это предпринять, но и в том, что данный аспект философии истории О. Шпенглера в прямой постановке отдельно никем не рассматривался.

В вышедшей в 2008 году «Философии истории» [5] имя Освальда Шпенглера упоминается среди авторов концепций обособленных замкнутых культур и цивилизаций наряду с Николаем Данилевским, Арнольдом Тойнби и Питиримом Сорокиным [5, с. 77], излагается также его «теория локальных культур» [5, с. 83-85], но не более. Рассмотрение идеи О. Шпенглера о «гештальте» истории не нашло места в вышедшей в 2011 году монографии «Circiculum vitae парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций» [6]. Практически не обращали на это внимание и другие авторы. Цитата о том, что «история – это «гештальт»» содержится, правда, в небольшой по размеру статье В. О. Лепинской [20, с. 91].

Цель работы: показать «гештальт» истории, уточнить то, с чем имеет дело историк, оценивая прошлое, с тем, чтобы увидеть модель настоящего и его экстраполяцию в будущее.

Для достижения этой цели представляется необходимым решить следующие задачи:

- уяснить роль исторической науки в развитии человечества;
- для адекватного поиска шпенглеровского «гештальта» истории уточнить данные им прасимволы различных цивилизаций;
- уяснит нелинейность исторического процесса по О. Шпенглеру;
- взглянув на двадцать тысяч лет русской истории по «Велесовой книге» (в прочтении и переводе Александра Асова) [7] и на её последнее тысячелетие, попытаться увидеть контуры «гештальта» всей истории человечества.

Начнём с «видимой истории», с той части истории, которая предстаёт перед нашим взором. По О. Шпенглеру, «видимая история только выражение, знак, принявшая формы душевная стихия: такие явления, как египетская система управления, античная монетная система, аналитическая геометрия, чек, Суэцкий канал, китайское книгопечатание, прусская армия и римская техника сооружения дорог – всё в равной степени воспринимается как символы и, как таковые, подвергается истолкованию» [12, с. 38]. Не случайно Эрнст Кассирер заметил, что «историк, также как и физик, живёт в материальном мире. Однако то, с чем он имеет дело, начиная исследование, – это не мир физических объектов, а символический универсум – мир символов» [14, с. 647]. Поистине «народы, языки и эпохи, сражения и идеи, государства и боги, искусства и художественные произведения, науки, право, хозяйственные формы и мировоззрение, великие люди и великие события – являются символами и должны как таковые истолковываться» [13, с. 6].

О. Шпенглер рассматривает «мир-как-организм», «мир-как-историю», охватывающий «все лики и движения в их глубочайшем и последнем значении» в картине становления. В отличие от «природы», упорядоченной пространственными отношениями, в «истории» действует логика времени – «идея органически необходимой судьбы». В «истории» всё изменчиво, случайно, однократно, неповторимо, необратимо, «напряженно», преходяще. История – это «гештальт», то есть подвижный, становящийся, преходящий образ мира, из которого фантазия человека стремится «постичь живое бытие мира по отношению к собственной жизни и тем самым интенсифицировать её действительность» [8, с. 349].

При этом «гештальт» (от нем. Gestalt), являющийся основной категорией гештальт-психологии, считающей основным элементом психики целостное образование или «гештальт» [15, с. 92] следует понимать по К. фон Эренфельсу как «целостный образ, обладающий сверхсуммарностью (целое более, чем сумма частей) и способностью к транспонифицированию (сужению, расширению или сдвигению объёма значений)» [10, с. 318].

Всемирная история, по О. Шпенглеру, – «общая биография» культур как культурных организмов. Как считает О. Шпенглер, господство «механического мышления» в западной философии привело к утверждению «невероятно скудной и бессмысленной схемы» мировой истории: Древний мир – Средние века – Новое время, в которой не находят своего органического места Египет, Китай, Мексика и другие культуры. При этом ландшафт Западной Европы принимается за «естественное средоточие некоей исторической системы, полюс, вокруг которого скромнейшим образом вращаются тысячелетия мощнейших историй и далеко отстающие культуры» [8, с. 352].

Для О. Шпенглера нет единой мировой культуры (как аналога гегелевской абсолютной идеи). Есть лишь различные культуры, каждая из которых имеет собственную судьбу: «... У «человечества» нет ... никакой идеи, никакого плана ... вместо безрадостной картины линейной всемирной истории ... я вижу настоящий спектакль множества мощных культур, с первозданной силой расцветающих из лона материнского ландшафта, к которому каждая из них строго привязана всем ходом своего существования, чеканящих на своём материале – человечестве – собственную форму и имеющих каждая собственную идею, собственные страсти, собственную жизнь, воления, чувствования, собственную смерть» [9, с. 151].

Культура в шпенглеровском понимании – это символически выраженная смысловая целостность (система), в которой естественно (и многообразными способами) реализует себя соответствующая душа: «Культура как совокупность чувственно-ставшего выражения души в жестах и трудах, как тело её, смертное, преходящее ...; культура как совокупность великих символов жизни, чувствования и понимания: таков язык, которым только и может поведать душа, как она страдает» [9, с. 344].

Для О. Шпенглера все культуры равноправны в том смысле, что каждая из них уникальна и не может быть осуждена с внешней позиции, с позиции другой культуры. «Феномен других культур говорит на другом языке. Для других людей существуют другие истины. Для мыслителя имеют силу либо все из них или ни одна из них» [9, с. 155].

Любое историческое событие случайно, и на его месте может появиться любое другое, но их связь с судьбой предопределена. Так, например, можно предположить, что Французская революция не произошла, но она была бы с необходимостью замещена революцией в ином месте, скажем в Англии или Германии. Какие бы усилия не прилагал Наполеон для увековечения мощи и величия Франции, в его победах и поражениях «непреложно таилась победа Англии, победа цивилизации над культурой» [8, с. 363].

Внезапность возникновения культур, обусловленная действием космических сил, столь же внезапно может привести не только к их гибели, но и к гибели жизни на Земле, возникшей столь же случайно в глубинах Космоса [11, с. 369-370].

О. Шпенглер выделяет восемь «великих культур»: 1) египетскую; 2) индийскую; 3) вавилонскую; 4) китайскую; 5) греко-римскую (аполлоновскую); 6) византийско-исламскую; 7) западноевропейскую (фаустовскую); 8) культуру майя. В качестве новой культуры, по О. Шпенглеру, грядет русско-сибирская культура. Каждому культурному «организму» отмерен примерно тысячелетний срок существования [12, с. 176; 13, с. 11]. Подобно отдельной человеческой личности, культура проходит фазы рождения, юности, зрелости, старости и, наконец, гибели.

Для О. Шпенглера кризис культуры есть не что иное, как вступление в стадию цивилизации, во время которой материальные элементы начинают преобладать над духовными и постепенно вытесняют последние. Совокупность исторических типов культуры О. Шпенглер определяет как «морфологию всемирной истории». Культура рождается в тот миг, когда от «прадушевного состояния» отстаивается и пробуждается к жизни «великая душа». Культура расцветает на почве определённого ландшафта и ищет своего самоосуществления в пространстве. Культура умирает, когда её душа осуществила всю сумму своих возможностей в виде народов, языков, вероучений, искусств, государств, наук.

В основе культуры, по О. Шпенглеру, лежит прасимвол, из которого можно вывести весь язык её форм, все её проявления [12, с. 249].

Так, прасимвол египетской культуры – дорога [4, с. 378; 12, с. 265, 273, 310]. Египетская душа видит себя шествующей по предначертанной ей жизненной тропе. Мощные стены храмов, торжественные ряды статуй, длинные ленты рельефов и рисунков, аллеи сфинксов – всё это подчёркивает идею дороги. Интересно, что к символу «царской дороги», которая существовала в Древнем Египте только для фараонов, прибегали и Евклид, и Карл Маркс (вспомним: «il n'y a pas de route royale dans la science...») – «в науке нет царской дороги...» из «Нищеты философии», которую Карл Маркс написал на французском языке – М. М.). Пирамида – гигантский треугольник стрелки, указывающий конец пути, «выражение отважной души». Дорога – символ движения не только в пространстве, но и во времени. Египетская культура проникнута идеей долговечности: прочность пирамид, процедура мумифицирования, выбор гранита и мрамора в качестве архитектурного материала и т. д. – всё это свидетельствует, что египетская душа предрасположена к истории и ощущает прошлое и будущее как неотъемлемые части своего мира.

Прасимвол античной культуры – ограниченное материальное тело [4, с. 378; 12, с. 249, 275]. Греки не стремились строить гигантские сооружения, их постройки невелики, обозримы и сравнимы по масштабам с человеческим телом. Греческую душу (аполлоновскую) [12, с. 259] не влекут далёкие путешествия. Они не строят дорог, боятся перспектив убегающих аллей, их государства-полисы крохотны по сравнению с

владениями египетских фараонов. Даль времен столь же мало привлекает греков, как и пространственная даль. Греки не испытывают интереса к прошлому и не проявляют заботы о будущем: тела мертвых они просто сжигают. Антиисторичность греческой души нашла символическое выражение в дионисийском культе фаллоса – знака сиюминутного настоящего. Греки не вели точного отсчёта времени, плохо ориентировались в исторической хронологии, не заботились о сохранении документов, не писали летописей и мемуаров. Греки хотели мифа, а не истории. Они восхищались гомеровской «Илиадой», но не имели даже в мыслях найти Троя, как это сделал Шлиман через два тысячелетия.

Прасимвол арабской культуры – мир-пещера. Если античный храм строился с расчётом на внешних наблюдателей, то базилика с купольным сводом задумывалась как внутреннее пространство. Замкнутый внутренний мир пещеры представляется полным тайн и загадок, он возбуждает фантазию и мистические настроения. Арабское время в соответствии с прасимволом «пещеры» тоже замкнуто. История течёт в нём циклично, как бы вращаясь внутри заданного круга. Отсюда убеждение в фатальности происходящего в истории, в существовании мистических связей настоящего с прошлым и будущим, возможность магического с помощью чисел раскрытия прошлого и пророчества будущего. О. Шпенглер полагает, что душа арабской культуры – магическая душа [12, с. 260]. Не случайно в прасимволе «пещеры» О. Шпенглер видит византийскую базилику, большая часть которых после арабских и турецких завоеваний стала мусульманскими мечетями. Не случайно он считает магической и мистической не только арабскую, но и византийскую культуру, а шестой «великой культурой» он считает византийско-исламскую, объединяя их в одну на основании единого прасимвола «пещеры».

Прасимвол западной культуры – бесконечность, «чистое» безграничное пространство [4, с. 379; 12, с. 249]. Европейская душа устремлена в даль. Ей нужна воля, свобода, выход за пределы видимого горизонта, всякие границы стесняют её. Отсюда – бушевавшая европейцев жажда путешествий, поиска новых земель, новых впечатлений, нового приложения сил.

Стремление к бесконечному проявляется также в религии и науке. Христианский Бог бесконечен и вечен. На идее бесконечности строится и европейская наука. В сознании западного человека проблема бесконечности пространства связана с бесконечностью времени – фаустовская душа.

В качестве прасимвола русской культуры О. Шпенглер увидел «бесконечную равнину», но он так и не нашел «твёрдого выражения» этого прасимвола в проявлениях русской души [4, с. 379].

Но при всём этом О. Шпенглер определения прасимвола не даёт, считая, что «сам прасимвол неосуществим и даже недоступен определению» [12, с. 249].

О. Шпенглер отрицает общественный прогресс и утверждает нелинейность исторического процесса: у него всемирная история представляется в виде протяженного во времени поля, в разных местах которого вспыхивают, разгораются и угасают костры культурных миров, оставляя после себя пепелища с останками созданных в них ценностей. Эти миры замкнуты и взаимонепроницаемы. Каждая культура живёт своей особой жизнью, она рождается, стареет и умирает. Основное внимание О. Шпенглер сосредоточивает на судьбах Европы или, точнее, западного мира вообще. Опираясь на свои представления о рождении и гибели культур, он рисует картину неминуемо приближающегося конца западной цивилизации [4, с. 378]. При этом О. Шпенглер исходит из того, что идеальная длительность жизни каждой культуры составляет тысячу лет [12, с. 176; 13, с. 11].

Каков же «гештальт» истории, каков, по выражению О. Шпенглера, «коперников» образ мировых событий [12, с. 61]? Дело в том, что, по О. Шпенглеру, «история – это образ, при помощи которого воображение человека стремится почерпнуть понимание живого бытия мира по отношению к собственной жизни и таким способом придать ей углублённую действительность» [12, с. 40].

Таким «гештальтом» может стать модель нелинейного развития одной из цивилизаций, или одного народа, так и не сумевшего создать отдельной цивилизации, но бывшего близко к её созданию. У многих народов однако прослеживается в истории одна линия без опустошительных пожаров культурных миров, оставляющих после себя одни пепелища. Но один народ имеет именно шпенглеровскую историю с массой пепелищ угасших костров культурных миров. Это – русский народ.

Сгорел, оставив лишь пепелища, и не материальные, а лишь в народной памяти, названный Л. Н. Гумилёвым «русский каганат» [21, с. 124, 127-128; 22, с. 144; 23, с. 519; 6, с. 428-435], исчезла, не оставив продолжения линии развития, Киевская Русь. Не случайно русские Киевской и русские Московской Руси – разные народы, а, соответственно, разные народы русские и украинцы. Разные народы – русские народы Московской Руси и Российской империи. Причём линейное развитие здесь оказалось разорванным не внешними силами, а внутренней политикой «великого реформатора» Петра Первого. Совершенно разные народы русский народ Российской империи и советский народ. Разные народы советский народ и русский, украинский, белорусский и прочие народы постсоветского пространства. Вот он образ нелинейного шпенглеровского развития истории как бы одного народа – «гештальт» нелинейного развития всемирной истории. Именно такую нелинейную картину развития даёт изложение двадцати тысяч лет русской истории (до крашения Руси) «Велесова книга» [7].

«Как только Бус не оставил, была сеча великая много месяцев. Сто раз возрождалась Русь и сто раз была разбита от полуночи до полудня... И то же самое в старину претерпели праотцы наши... И так прошли две тьмы – двадцать тысяч лет» [7, с. 35]. «Мы сиры весьма, и рука Божеская от нас отвратилась, ибо двадцать тысяч лет не могли мы сотворить Русь» [7, с. 267].

Таким образом, шпенглеровский коперников «гештальт» всемирной истории – это образ русской истории, истории нелинейной, со сжигающими всё до тла опустошительными иноземными нашествиями, реформ, революций, «перестроек» и контрреволюций.

Нелинейность истории России и связанного с ней исторически постсоветского пространства подчёркивается тем, что на всей этой огромной территории народы отказались от развития по гегелевским марксистским лекалам общественного прогресса, а живут по нелинейным шпенглеровским лекалам «сознательного подражания прошлому» [19, с. 227]. Ибо единственным свидетельством существования исторических законов в шпенглеровской парадигме, по мнению авторов 5-го издания советского «Философского словаря», является «повторяемость, синхронность и циклический характер историко-культурных процессов» [19, с. 227]. Поэтому русская история, как и история человечества в целом, вместо прогрессивного развития часто возвращается, по словам К. Маркса, «назад, в умершую эпоху». То, что К. Маркс посчитал в работе «Восемнадцатое Брюмера Луи Бонпарта» случайным отступлением от его марксистской теории, у О. Шпенглера стало закономерностью.

Интересно, что практические результаты шпенглеровской ориентировки в историческом процессе, по мнению ряда советских исследователей, проявились в фашистской идеологии, принявшей на вооружение основные идеи шпенглеровского «историзма» [19, с. 227], хотя сам О. Шпенглер открыто отказался от сотрудничества с фашистским режимом в Германии и до самой смерти был в оппозиции к нему.

Но неужели линейное поступательное развитие человечества так уж и невозможно, неужели невозможен и общественный прогресс?

Гибель СССР и переход постсоветского и постсоциалистического европейского пространства от социализма к капитализму доказали, что общественный прогресс и линейное поступательное развитие человеческого общества на сегодняшний день невозможны.

Дождёмся ли мы событий, опровергающих последний тезис, покажет будущее. Будущее покажет также, был ли прав О. Шпенглер, предрекавший к 2000 году закат Страны Вечера (Abendlandes), западной цивилизации, которая в соответствии с его концепцией нелинейного развития истории с неотвратимостью должна погибнуть, в цивилизационное пространство которой так рвётся определённая часть современной украинской политической и культурной элиты.

Таким образом, можно сделать следующие **выводы**:

1. «Видимая история только выражение, знак, принявшая формы душевная стихия» [12, с. 38]; все исторические явления «в равной степени воспринимаются как символы» [12, с. 38], а то, с чем имеет дело историк, «это не мир физических объектов, а символический универсум – мир символов» [14, с. 647].

2. Прасимволами цивилизаций, задающими парадигмы их развития, их парадигмальными символами, являются: дорога для египетской цивилизации [4, с. 378; 12, с. 265, 273, 310]; ограниченное материальное тело для античной цивилизации [4, с. 378; 12, с. 249, 275]; пещера для арабской цивилизации [4, с. 378]; бесконечность («чистое» безграничное пространство) для западной цивилизации [4, с. 375; 12, с. 245]; «бесконечная равнина» [4, с. 379] для становящейся, но до сих пор ещё не состоявшейся русской цивилизации.

3. Для исторического процесса в обозримом на сегодняшний день человеческим разумом пространстве характерна нелинейность в виде протяженного во времени поля, в разных местах которого вспыхивают, разгораются и угасают костры культурных миров, оставляя после себя пепелища с останками созданных в них ценностей.

4. «Гештальтом» такой нелинейной всемирной истории является образ русской истории со сжигающими всё до тла опустошительными пожарами иноземных нашествий, реформ, революций, «перестроек» и контрреволюций.

Источники и литература:

1. Гумилёв Л. Н. Из истории Евразии : очерк / Л. Н. Гумилёв. – М. : Искусство, 1992. – 79 с.
2. Ермолаев В. Предисловие к книге Л. Н. Гумилёва «Из истории Евразии» / В. Ермолаев // Из истории Евразии : очерк / Л. Н. Гумилёв. – М. : Искусство, 1992. – С. 3-14.
3. Широкоград А. Б. Мифы и реалии Полтавской битвы / А. Б. Широкоград. – М., Владимир : АСТ; ВКТ, 2010. – 320 с.
4. Кармин А. С. Культурология : учеб. / А. С. Кармин, Е. С. Новикова. – СПб. : Питер, 2005. – 464 с.
5. Масаев М. В. Философия истории : учеб.-метод. пособие / М. В. Масаев. – Симферополь : Доля, 2008. – 304 с.
6. Масаев М. В. Curriculum vitae парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций : монография / М. В. Масаев. – Симферополь : Доля, 2011. – 512 с.
7. Велесова книга / прочтение и пер. А. Асова. – М. : АСТ; Полиграфиздат, 2010. – 512 с.
8. Сергейчик Е. М. Философия истории / Е. М. Сергейчик. – СПб. : Лань, С.-Петерб. ун-т МВД России, 2002. – 608 с.
9. Шпенглер О. Закат Европы : в 2 т. / О. Шпенглер. – М. : Айрис-Пресс, 1993. – Т. 1. – 528 с.
10. Ивашина М. В. Гештальт / М. В. Ивашина // Новая Российская энциклопедия : в 12 т. / редкол.: А. Д. Некипелов, В. И. Данилов-Данильян и др. – М. : Энциклопедия; Инфра-М. – Т. 4 (2): Гамбургская-Головин. – 2008. – С. 318.
11. Социальная философия / под общ. ред.: проф. В. П. Андрущенко, проф. Н. И. Горлача. – К., Харьков, 2002. – 375 с.
12. Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер. – Новосибирск : Новосибирское ВО «Наука», 1993. – 591 с.

13. Дубнов А. П. «Падение Запада» и глобальные проблемы человечества (общедоступное введение) / А. П. Дубнов // Закат Европы / О. Шпенглер. – Новосибирск : Новосибирское ВО «Наука», 1993. – С. 3-33.
14. Кассирер Эрнст. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры / Кассирер Эрнст // Избранное. Опыт о человеке / Кассирер Эрнст. – М. : Гардарики, 1998. – С. 440-772.
15. Гештальтпсихология // Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1987. – С. 92.
16. Мирошников О. А. Государство. Идеология. Революция : монография / О. А. Мирошников. – Ялта : РИО КГУ, 2009. – 244 с.
17. Амбелен Р. Драмы и секреты истории. 1306-1643 / Р. Амбелен; [пер. с франц.]. – М. : Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. – 304 с.
18. Черняк Е. Б. Призрачные страницы истории / Е. Б. Черняк. – М. : Остожье, 2000. – 432 с.
19. Культурных циклов теория // Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1987. – С. 227.
20. Лепинская В. О. Особенности интерпретации О. Шпенглером закономерностей мировой истории / В. О. Лепинская // Молодая наука – 2010 : материалы III Всеукр. (VI Всекрымской) науч. конф. молодых учёных (22 октября 2010 г.) / отв. ред. А. В. Горбань. – Симферополь, 2010. – С. 91-92.
21. Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь / Л. Н. Гумилёв // История древней Руси во взаимодействии народов Евразии / Л. Н. Гумилёв. – М. : АСТ, 2008. – С. 15-573.
22. Татищев В. Н. История Российская : в 7-ми т. / Л. Н. Гумилёв. – М., Л. : АН СССР (Ленинградское отделение), 1962. – Т. 1. – 500 с.
23. Каган // Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М. : Сов. энциклопедия, 1984. – С. 519.

Надибська О.Я.

УДК 17:165.000167/168 (081)

КОМУНІКАЦІЯ ЯК СОЦІОКУЛЬТУРНИЙ ТА ГНОСЕОЛОГІЧНИЙ ФЕНОМЕН

Постановка проблеми. Комунікативний підхід до аналізу низки проблем соціодинаміки нині є актуальним. Цей підхід пов'язаний з тим чинником, що при аналізі ключових проблем суспільно-економічного й духовно-культурного розвитку увага акцентується на двох фундаментальних сутностях – інформації й взаємодії. Поняття «комунікація» широко застосовується в сучасній науковій лексиці, що має різноманітне змістовне навантаження, залежно від того, який зміст у неї вкладається, і на яку предметну галузь вона екстраполюється. Тобто, тлумачення цього поняття можуть бути поліваріантними. У сучасних дослідженнях під комунікацією розуміється соціально зумовлений процес передачі й сприйняття інформації в умовах міжособистісного, групового й масового спілкування на основі застосування різних каналів, засобів і способів передачі інформації.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. В роботі проаналізовано найважливіші моменти теорій творців комунікативної філософії (Карл-Отто Апель, Юрген Габермас), аспекти розуміння комунікації в теорії соціальних систем Нікласа Лумана, а також у концепціях сучасних дослідників комунікативності (Анатолій Срколенко, Андрій Романов, Геннадій Васильєв).

Актуальність роботи. Комунікація як соціокультурний та гносеологічний феномен розкриває свій зміст у різноманітних іпостасях. Однак у кожній іпостасі існує певна інваріантна основа, яка за своїм змістом цілком відповідає специфічній галузі. Комунікація – це і спілкування, і діяльність, і змістовний універсум, розширення змісту якого пов'язане з мовою, тобто штучний посередник.

Мета статті. Виходячи з цього спробуємо розкрити значимість комунікації для визначення суспільного розвитку. Адже комунікація не є простим спілкуванням, діалогом, формою розширення символічного універсуму, діяльністю. Це є також і методологічним інструментарієм пізнання соціальної реальності й обґрунтуванням пріоритетів її розвитку.

Виклад основного матеріалу дослідження. Інформація як гносеологічний феномен має особливу функціональну значимість і самодостатню цінність, виступаючи, власне, фундаментом процесу комунікації. Однак сама по собі інформація комунікацію не утворює. Це є необхідною, однак недостатньою умовою комунікації. Інформація набуває соціально-комунікативного змісту лише тоді, коли вона проходить через усвідомлення людини й реалізується в системі суспільних відносин. Безперечно, окрім об'єктивної змістовності інформації, необхідно важливими є суб'єктивні сприйняття цієї найфундаментальнішої її властивості.

Тільки в такому випадку комунікація може відбутися, а її передумовами будуть, окрім природної потреби в спілкуванні, по-перше, наявність певного предметного й змістовного поля, а, по-друге, наявність вираження модальності, як фактора осмислення й оцінки об'єктивного змісту інформації, формування певного ставлення до нього. Саме в останньому випадку виникає сенс і мета комунікативної інтенції, без чого ані діалог, ані будь-яке спілкування, по суті, неможливі.

Якщо інформація виникає як гносеологічний феномен процесу взаємовідносин, тоді комунікація виступає як соціокультурний процес, що має свою складну структуру й функціональну спрямованість. Об'єктом вчення про комунікації виступає різноманітність форм соціальної взаємодії між людьми, що реалізуються через системи вербального й невербального спілкування. «Предметом теорії комунікації є